

Игорь Непомнящий

ВОСКОВОЕ КРЫЛО
(Избранное)

*Усмешки Кроноса, уловки Мнемозины...
Из ненаписанного стихотворения*

*В тайном сумраке тающий двор...
Владимир Соколов*

Три стихотворения

1

В поезде ночи долги, если вдвоем.
И бесконечны, если один на свете.
То, чем Господь ссужает, не отдаем –
Ни половины даже, ни даже трети.
Чтобы сполна расчесться – и речи нет,
Не возвращаем взятого, хоть убейся,
Точно и впрямь реально продлить билет
По окончанье, как говорится, рейса.

2

В тамбур ли выйду – точно обвал дождя
Слух переполнил, отяжелил ладони...
Встречный промчался мимо, гремя, гудя, –
И на мгновенье стало темней в вагоне.
В самом-то деле, что до меня – ему?
Я ж от него тем более не завишу...
Но почему-то, всматриваясь во тьму,
Тающий шорох Икаровых крыльев слышу.

3

В общем вагоне еду, на боковом,
Вслушиваюсь в размеренный гул колесный,
А за окном стеною синеют сосны –
Вдоль полотна – в молчании гробовом.
И наблюдаю из-под прикрытых век,
В чей-то баул напротив уткнув колени,
Как на рассвете, в голубоватой пене,
Прямо на рельсы тихо ложится снег...

I. НОЧНИК

*...И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.
Осип Мандельштам*

ХРОНОГРАФ

1.

Выясняй отношения:
Хочешь – *об* пол клюкою стучи,
Корчи нищего гения
Иль записывайся в трюкачи,
Состоянье проматывай
То на скачках, а то в казино,
Знайся с нечистью адовой,
Распинайся на митингах, но
Разногласья со Временем,
Как ни кажется распря остра,
Рассосутся со временем –
Так устроена эта игра.
Лишь того не предсказывай,
Будь ты даже мудрец и пророк,
Что как шприц одноразовый
На нее отпускаемый срок.

2.

Сад ли влажный с нами аукал,
Свод ли звездный множил тоску, –
Сколько чучел и сколько пугал
Нас мытарили на веку.
Да и нынче они как дома
В зоне здешнего бытия –
Соглядатаи из соломы,
Надзиратели из тряпья.

3.

Взрывной волной постройка снесена,
А пыль в безумном воздухе дрожит,
И ощущает прошлое страна,
Как отнятые ноги – инвалид.
Кому, скажи, молиться по ночам,
Когда под крики браво и ату
Она ползет по битым кирпичам,
Уже не отступаясь в пустоту?..

4.

Как беженцы, лишившиеся крова
Без ведома действительных причин,
В эпохе, как в ночлежке Костылева,
Существованье жалкое влачим.
И, как всегда бесстыдно-неопрятен,
Под зябким солнцем нищих и калек
Спустя столетье провокатор Сатин
Твердит о гордом слове человек.

5.

Опрокинув памятники, снова,
Как незрячий за поводырем,
В направленье века золотого
Коллективно и поврозь идем.
И пока, ребячески надменны,
Знать не можем, как душа кровит,
Талия под маской Мельпомены
Губы издевательски кривит.

НОЧНИК

*...На рассвете
Неизвестно которого дня...*

Блок

Совесьть – она же и есть душа...
За полночь слышишь хриплые плачи
Ветви каштановой под дождем,
И невозможно сказать ей *ша*,
Ибо не может и быть иначе,
Ежели совестью побежден.
Совесьть – она же и есть душа...
И не прикажешь: “Довольно! Баста!
Хватит ораторствовать! Шабаш!”
Жизнь, даже если нехороша,
Все же на чудеса горазда
И не утрачивает кураж.
Ждешь воскрешенья и в темноту
Пялишься, будто на поединке,
Слушаешь стоны сырых ветвей...
Эту нельзя обменять на ту,
И выступает в рассветной дымке
Явственный контур вины твоей.
Но перед кем же – перед собой?
И перед тою? и перед теми,
Кто и не названный не забыт?
Перед отчаявшею судьбой –
Той, о которой забыло время
И от которой листву знобит?

Terra incognita – это не только место,
Это и время – то, где меня не будет:
Голоса, взгляда, слова, походки, жеста, –
Где не меня оправдывают и судят.
Это и храмы, которые не построю,
Это и строфы, которых не прочитаю, –
Облаком над кладбищенской сосною
В дыме небесном я без следа растаю.

Хвойная ветка тихо на холмик ляжет,
Где-то под небом ей отзовется птица...
Может быть, на мгновение – кто мне скажет? –
Жизни моей мелодия им приснится.
Вот она – для старинной виолончели
Кем-то предназначавшаяся – во мраке
Мартовской ночи с гулом сырой метели
И одичалым воем больной собаки...

Тишайший свидетель зарниц грозových,
Ночных облаков соглядатай,
Я умер – и все же остался в живых
По прихоти чьей-то крылатой.
Никто не заметил, как я открывал
Последние двери, никто не
Заплакал и тихо не поцеловал
Моей исхудалой ладони.

Все так же дышала листва за стеной
Большого кирпичного дома,
И дождик шуршал о карниз жестяной
Все так же – почти невесомо,
И так же оранжевый свет ночника
Мерцал у меня в изголовье
(А мнилось, что это огонь маяка
И к целой судьбе послесловье).

Я умер – и тут же забыли меня
Все те, кто в соседней квартире
Искали в газетах вчерашнего дня
Прозренья о завтрашнем мире,
Прорехи латали, играли в лото
И на пол роняли посуду...
...А то, что воскрес я, не ведал никто,
Поскольку не верили чуду.

Еще и афишка для пьесы, по правде сказать, до конца
не готова,
Сказать откровенно, еще до конца не продуман сюжет,
И даже центральный герой – человек, обретающий Слово –
Едва обозначен, тогда как у прочих и контуров нет.

А ну-ка попробуй найди для него настоящее имя,
Когда и свое настоящее припоминаешь с трудом,
И красное солнце, кренясь, озаряет лучами косыми
Часовню, запущенный сад и старинный усадебный дом.

Ах, в этом трагическом фарсе любая ремарка бывает опасна,
Как – может быть, помнишь – у позднего Чехова стук топора:
Сухой, отрешенный и все-таки странного полный соблазна...
И зябнувший Фирс в заколоченном доме бормочет: “Пора...”

САД

На сквозняке
Времени – слышишь ли, на повороте
К поздней строке,
К поздней строке, отрешенной от плоти,-
Дух в тупике.

Сад мой в окне,
Чем-то похожий на старшего брата,
А в глубине –
Розово-синие тени заката
В голубизне.

Кто впопыхах
В бледное небо плеснул акварели,
Чтобы в стихах
Полупрозрачные тени горели,
Как в облаках?

Кто наугад
Высветил в страждущем этом просторе
Меркнувший сад?
В сраме кромешном, беде и разоре
Кто виноват?

Осень нема –
Что она может сказать напоследок?
Ветер и тьма...
Желтые листья, летящие с веток,
Сводят с ума.

НОЧНАЯ МУЗЫКА

И беглый отголосок грома,
И легкая походка ливня,
И затаенный вздох акаций
На темной улочке вечерней –
Пожалуй что они и сами
Едва ли достоверно знают
Под сумрачными небесами,
О чем тебе напоминают.
Ночная музыка... музы'ка...
В безлунном северном пейзаже
Она издревле многолика
И всякий раз одна и та же.
От Ломоносова до Блока,
От Пушкина до Мандельштама
Она пребудет одинока,
Как сердце, жаждущее храма.
И только с ней душа согласна,
И только ей родня деревья,
И нет воздушнее соблазна,
Чем вместе с ней уйти в кочевье.
Так слушай же, навек покорна,
Во тьме качающейся, зыбкой,
Как на земле трубит валторна,
А в небе отвечает скрипка.
Ах, никому не подотчетна,
Хотя всему прямой свидетель,
Ночная музыка свободна,
Как рама, сорванная с петель.
Она всегда почти некстати
Соединяет всех со всеми
И дарит чудом благодати
Того, о ком забыло время.

Эта – жирком обросла, а эта –
Так и не обрела покою,
Вот и шатается до рассвета
Темною улицей городской:
То отзовется озябшей птице,
То затаится в листве каштана,
Нет у бессонницы репетиций –
Все в ней негаданно и нежданно.

Музе ответившая впервые,
Стала роднее для сердца бездна.
Если у ночи тахикардия,
Силлабо-тоника неуместна.
Столь нелюбезная Льву Толстому
Речь, разбиваемая на стопы,
Может навеять одну истому,
Если в нее не внести синкопы.

Вот и ворочайся на диване,
Вот и прикидывай, что и как там...
В мире, где столько обоснований
Самым несообразным фактам,
Кто и какому суду подсуден?
Даже когда не вполне логичен,
Мир, если вдуматься, не абсурден –
Только, пожалуй, асимметричен.

ВПОЛОБОРОТА

(Строки из 90-ых)

Твоих волос каштановых

Сухая полутьма

Натурщиц Тициановых

Могла б свести с ума.

Из забытого стихотворения

И.З.С.

1.

Душа, застегнутая наглухо,
Себя еще не обрела,
Покамест не вкусила яблока
От дерева добра и зла.
Горчит веселая оскомина
На недоверчивых губах,
И райский сад в глуши соломенной
Лежалым яблоком пропах.

2.

А ты, к моей судьбе вполоборота,
В огне и плеске мартовского дня
Не с высоты ли птичьего полета
Всего на миг увидела меня?
Тебе пристало так, а не иначе,
С крутого лба отбрасывая прядь,
В какой-то прозорливости незрячей
Колесовать или короновать...

3.

Все, что с памятью в кровном,
хотя отдаленном родстве:
Соловей ли, запевший из Моцарта в мокром
овраге,
И цветущий багульник, и бабочка на рукаве –
Все взывает к отваге.
И пока еще вечность тебя не застала врасплох,
Что осталось душе, не нашедшей забвения в слове?
В полусвете ночном различать человеческий вздох
И пульсацию крови.

КОМАНДИРОВКА

Лирический конспект
с отступлениями и примечаниями

*Вот вам конспект лирической поэмы:
Песочек. Отмель возле глубины...
Владимир Соколов*

*И медленных огней пустынных станций
Встречать и провожать бездомный свет...
Б.Н.*

Однажды я увидел: налегке
В густой тени двенадцатиэтажки
Стоял прохожий в клетчатой рубашке,
С карманным круглым зеркальцем в руке.
Он хмурил брови, цокал языком,
Редящие волосы курчавил
И, как бы в нарушение общих правил,
Казался сам с собою незнаком.
Эпохою не признанный двойник,
Безликий сумасшедший из массовки, –
Привычно бестолковый и неловкий,
Кого напоминал он в этот миг?
Актер с лицом могильщика? Суфлер,
Текст превративший в модной мелодраме?
Иль белый клоун с грустными глазами,
Презренный вами с некоторых пор?
Бог ведает...

Нам сызмала даны
Чужие роли, как чужие платья.
Осталось, подобрав себе распятыя,
Сначала – подсмотреть чужие сны,
Потом – отрепетировать слова,

А следом – анонсировать поступки,
И наконец впитать, подобно губке,
Все то,
 о чем бессонная листва
В чужих ночах шумит не умолкая,
Как там, за горизонтом, ширь морская...

Судьба опять начнется не с начала,
И я начну повествование там,
Где все еще клубится гул вокзала
И все еще садятся по местам.
Баулы, саквояжи, чемоданы
Загромоздили тамбур и проход,
И вот сигнал – желанный... нежеланный...
И не понять, назад или вперед
Готов рвануться скорый этот поезд,
Какая память и какая ночь
В соавторстве продолжают эту повесть
И что в конце концов отбросят прочь,
А что уберегут... На верхней полке
Он, безымянный, смотрит в темноту.
А ночи так неумолимо долги,
И не шагнуть за некую черту –
В иную жизнь...

 ...Состав *Москва – София*...

Сырой перрон, встречающий рассвет...
Они – в одном купе, и жить – впервые,
Когда тебе всего лишь двадцать лет.
За окнами – луга и перелески,
Холмы и балки, степи и поля...
Они следят, раздвинув занавески,
Как им навстречу рвется их земля.
Но вот уже ночного Кишинева
Огни остались где-то за спиной,
И ближе, ближе, ближе *vita nova*,
Таможня, а за нею – мир иной.
И с тем, родным, не отыскать подобий,
Никто не оторвется от окна:
Чем дальше отъезжают, тем особой

Им видится чужая сторона.
А присмотреться – так одно и то же:
И в этом стане *вольного труда*
Заброшенные пашни, бездорожье,
На пыльных склонах тощие стада –
Не Божья милость и не мудрость Божья,
А лишь пятиконечная звезда¹.

Они еще друг другу не сказали
Ни слова друг о друге, но, пока
Их держат в Бухаресте на вокзале,
Впервые руку тронула рука,
И снова, снова, снова этот скорый,
То набирая, то сбавляя ход,
Не слыша их слепые разговоры,
По медленной Румынии идет.

Но вот она – последняя граница!
И наконец на два десятка дней
Мечтавшееся обещает сбыться.
И краем глаза он следит за *ней*,
За *ней*...

и он очнулся. Тьма ночная,
Глухой фонарь – наверное, разъезд.
Нет, станция. Название – Лесная,
Хоть не видать ни деревца окрест.

Немало на Руси подобных мест.

Хоть издавна лирическая повесть
Предполагает образ двойника,
Герой, со мною загодя условясь,
Открещивается от дневника.
Быть может, полудетские тетради
Пылятся в нижнем ящике стола,
Но подлинная исповедь – некстати,
Пока душа – поверх добра и зла.

Следы его существованья жалки
И суетней рисунка на песке:
Вот, шестилетний, на коне-качалке
Он мчится с красным знаменем в руке;

Вот на макушке новогодней елки
Он закрепляет алую звезду;
Вот пишет сочинение – о долге
Себя готовить к мирному труду...
Лишь хриплое дыхание и голос,
Записанные двадцать лет назад,
О том, что в нем томилось, с ним боролось,
Действительное нечто говорят:

*Прощанье превратив в прощенье,
Холодный пот смахну со лба,
При аварийном освещенье
Развертывается судьба...*

И нынче этой лампочки вагонной
Мерцание в дыму от сигарет
Ему напоминает отдаленно
Бомбоубежищ аварийный свет.

“Судьба должна начаться с середины”, –
Подумал он. И мысль ушла во тьму...
Но времена – едины, так едины,
Что не разъединить их никому,
Так сомкнуты они, что малой щелки
Ты не найдешь меж *завтра* и *вчера*
И так же, как герой на верхней полке,
Глаз не сомкнешь до самого утра.

А где-то за стеной, в купе соседнем, –
Бессонница. И приглушенный гам
Всем опытом ночным, тысячелетним
Подобен чужеземным языкам.
Не может быть чужих ролей у слова,
Когда оно на правде возросло,
И в каждом звуке языка чужого
Сквозит почти семейное тепло:

Море', небе', и ко'ща, и прозо'рец'²...
В передраcсветной дымке голубой,
С песчаной кромкой то миряcь, то cсоряcь,
Читает по-cлавянски им приборь.

Болгария... и ныне здесь не диво
Увидеть на развилке городском,
Как вислоухий ослик молчаливо
Поклажу тянет и косит зрачком,
Как на закате, ясном с полуслова,
Свисая из-за каменных оград,
Просвечивает ало и лилово
Таинственный античный виноград.

Какое имя дам я героине?
Сообразуясь с правдою, оно
Посверкивает в предвечерней сини
И с проблеском зари породнено,
Оно не покоряется соблазнам
Навязывать значения извне
Своим крылатым гласным и согласным,
И волны моря – у него в родне,
И кажется, что им листва томится,
Что грезит им предгрозовой простор,
Оно сквозит в исписанной странице...
И в памяти не гаснут до сих пор
Ни руки, обнаженные по локоть,
Ни под косынкой вольная копна...
И сердце, не умеющее екать,
Зашлось... И это все – она, она!
И поздний август, пристальный и жаркий,
Над морем чайка, синь и тишина,
И сувенир на память, и подарки
Домашним... И опять – она, она,
Опять – она...

И ночь. И рокот моря,
Рванувшись, переходит в гул колес.
И в нашем ненадежном, злом просторе
Ночь кажется ослепшею от слез.

*Они рыбачат. Вдалеке
Дымится костерок. И тайна
Преображает каждый звук.
В часы такие не случайно
Ничто, ничто, ничто вокруг:
Ни перевернутая лодка,
Ни полусгнившие мостки,
Ни ива, свесившая кротко
Седую прядь в затон Оки.
Он видит как бы на экране:
Вот подсекает, и уже
Неведомая жизнь – на грани,
На волоске, на рубеже,
На том последнем перегоне,
Когда, доступностью страха,
Дрожит и бьется на ладони
Чужая близкая душа...*

Конверт помятый в боковом кармане,
А там, на разлинеенном листе,
Такая же мольба о пониманье,
Как будто о последней правоте.
Какая полоумная старуха,
Пытаясь одолеть свою тоску,
Программу «Время» слушала вполуха
И выводила за строкой строку?
*“Обмен дозволен был в обход закона
И в нарушение гражданских прав,
А потому, что зампредисполкома
Ему родня... а сам – нашелся граф –
Отгрохал особняк...”*

И что же дальше,
Коль надвое судьба рассечена,
И правде не избавиться от фальши,
И без любви не истинна вина,
И красоте не выжить без уродства?
Как быть, когда и жизни естество –
Обмен ролями с целью превосходства
Над ближними и больше ничего?

И две души, как два состава встречных,
Лишь на одно из двух обречены:
Иль разминуться в далях бесконечных
Необозримой северной страны,
Иль насмерть расшибиться друг о друга
И прыгнуть ввысь – до звезд и облаков?
И жизнь подобна грому виадука
Отныне до скончания веков?

*Родина, слышишь: вниз головой с ветвей
Листья летят и гибнут в ночи осенней
И никому из преданных сыновей
Не обещают будущих воскресений...*

В межвременье, в ничейной полосе, –
Один устав, одно установление:
Существовать, как существуют все.
И так – из поколения в поколение –
От деда внуку, сыну от отца
Передавалась, как веленье эры,
Слепая нелюбовь к чертам лица.
Но если нет лица, то нет и веры.
Так слышал он под ровный стук колес
И рокот ливня на басовой ноте...
Когда в чужую роль войдешь всерьез,
Забудешь о своей в конечном счете.

...Канун отъезда. Свежее тепло
Прощально веет в солнечной столице.
Тогда-то, бегу времени назло,
Он предложил с бессмертьем породниться.
И пущен в дело фотоаппарат,
И все, томясь в мучительном восторге,
У памятника вытянулись в ряд³.
Кто их тогда снимал: Андрей? Георгий?
То было двадцать лет тому назад.
Но давний этот снимок лишь вчера
Доставлен заказною бандеролью,
И оказалось, хоть прошла пора:

Чужая роль болит своею болью.
На фоне тех двоих, кто их земле
Доверил чудо явленного Слова,-
Не зная толком о добре и зле,
Они стоят, к бессмертию готовы:
Она – вторая справа, он – левой,
Дрожат на лицах солнечные пятна,
И тени двух софийских тополей
Им на руки ложатся предзакатно.
Остановись, мгновенье! Ну, смелей!
И вдруг – непоправимо, необъятно –
Ее слова, что из чужих ролей
Никто не возвращается обратно.

Железная дорога, век железный,
Екатерининские парики...
Но, знаешь, приоткрывшиеся бездны
От нас уже и впрямь не далеки.
Уже в молчанье грозном и глубоком
Бунт вызревает, словно диалог
Секретаря императрицы с Богом
О том, кто царь, и раб, и червь, и бог⁴.

И жизнь уже пошла вне всяких правил,
Вне всяких обязательств и опор,
Как будто драму этой жизни ставил
Юнец, недоучившийся суфлер.
И пусть потом определит историк,
Потом – спустя столетье или два,
Каких таких грамматик и риторик
В нас были перемолоты слова,
Какую пыль, давясь, с тобой глотали,
Чей по ветру развеивали прах,
Какие слезы тайно остывали
На наших плотно стиснутых губах.

*Родина! Вера моя солона от слез...
Сколько же раз принимал я мираж за оазис...*

...И снова ночь, как встречный, пролетела...
И вот уже ему пора вставать,
Пора белье постельное сдавать,
Разогреть немолодое тело,
Потом – стоять у стылого окна,
Курить, смотреть на дремлющие села
И ждать, когда ущербная луна
Дотает, как таблетка валидола.
А через час он выйдет на перрон,
Чему-то улыбнется напоследок,
Услышит голошение ворон
Над нищетою тополиных веток,
По мокрым шпалам, по листве сырой,
По тротуару, вдоль песчаной бровки
Пойдет, родства не помнящий, герой
Поэмы без начала и концовки.
И, бормоча заезженный мотив
Из песенки о кораблекрушенье,
В овальной луже, как на негатив,
Наткнется на свое же отраженье.

Примечания

1. Пятиконечная звезда – один из древнейших магических символов человека.
2. В современном болгарском языке *коща* (точнее, *къща*) означает *дом, прозорец – окно*. Как полагает автор, первые два слова в комментариях не нуждаются.
3. Имеется в виду памятник Кириллу и Мефодию в центре болгарской столицы.
4. Искаженная цитата из оды Гавриила Державина «Бог».

II. На слух...

*...И снова, паровозными гудками
Разорванный, скрипичный воздух слит...
Осип Мандельштам*

ПРИГОРОД

(Февральские мотивы)

1.

Оттепель. Полурастопленный лед.

Мокнущие провода.

Пригород этот попал в переплет

И не заметил когда.

В сумерках каплет с приземистых крыш ,

Прежний сменен реквизит...

Время

воздушным гимнастом с афиш

Вниз головою висит.

В местности, где ни концов, ни начал,

В самый разгар февраля

Снег обеспамятел и одичал

И обнажилась земля.

2.

...Но и в беспомощности, корчась от боли,

Этой картины забыть не смогу:

Мутное солнце и серое поле

В полураскисшем февральском снегу.

Есть ли блаженнее участь на свете:

Жить на Руси, обретая судьбу,

В замкнутом времени, как в лазарете,

В карцере, что ли,

в свинцовом гробу...

3.

Февральская сизая слякоть

Иль мартовский нежный мороз –

Нет повода, чтобы заплакать,

А будь он – так не было б слез.

Овальная лужа в низинке

На солнце янтарно-черна,

И хвоя, как в чашке чайники,

Всплывает с песчаного дна.

И снова, как в самом начале
Судьбы, застающей врасплох, –
Знобящее чувство печали
В разломе времен и эпох.

ЕЩЕ ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Середина жизни. Середина
Жизни, что казалась бесконечна...
В половодье тающая льдина...
Иль в печи горящее полено...
Или птица над вечерним морем,
Ищущая, где бы приютиться,
На какую опуститься мачту,
У какого отогреться света
Маяка на диком побережье...

2.

Середина жизни. Середина
Той, которой нет конца и края...
С железнодорожного перрона
Долетающие междометья
Скорых, пассажирских и товарных.
Слух бессонниц пристален и чуток:
В каждом звуке слышится им слово,
Сказанное юным Демосфеном
Перед расстилающимся морем...

3.

...так давно не видел моря, точно
Никогда и не было на свете
Этого великого простора –
С парусниками на горизонте,
С чайками в сияющем зените...
А тому всего лишь четверть века
Оба мы стояли на причале,
Вслушивались в маятник приборя –
И была верна ладонь ладони...

ПАМЯТИ ОТЦА

О чем тебе – твоя ночная птица?..

Б.Н.

1.

Из далека, из висока, чуть различимая вначале,
Меня окликнула строка – и стали тише от печали
Ночной фонарь и сад ночной, такой старинный в лунном свете,
Как будто он следил за мной в течение двух тысячелетий.
И в наступившей тишине внезапно птица закричала
О том, что более чем мне, известно ей самой, пожалуй...

2.

Еще и ты не одинок,
И я не одинок,
Зажженной спички огонек
Еще дрожит у щек.
Мы оба смотрим на звезду
И в сумраке сыром
Молчим в неприбранном саду
Над тлеющим костром.

Еще его не горек дым
И горяча зола,
Еще и память нам самим
Ничуть не тяжела.
Еще в молчанье нашем есть
Такая полнота,
Как бы Евангельская Весть
Сомкнула нам уста.

Покуда медлит ночь без сна,
По тысяче примет
Отреставрируй времена,
Которых больше нет:

По шелестам – вечерний сад,
По отсветам – костер,
По лицам, что в дыму сквозят, –
Пустеющий простор...

Нет на последнем рубеже
Случайности родней,
Чем воскрешение уже
Оттрепетавших дней.

3.

В погоне за временем – тем, что уже протекло,
Встают на осеннем рассвете, во тьме дождевой,
Подходят к окну, рукавом протирают стекло
И смотрят на тополь с почти облетевшей листвой.

А в памяти – лампы настольной березовый свет
И ты – над тетрадкой склонившийся в теплом дыму...
А рядом – неловкий мальчишка двенадцати лет
О чем-то болтает и жметя к плечу твоему.

Помедли, помедли... еще ты не носишь очков,
И теплая сила в твоих узловатых руках.
И кажется, сам ты недавно сошел с облаков
И в точности знаешь о том, как живут в облаках.

Помедли – еще ты стоишь над зеленой рекой
И держишь цветущую ветку жасмина в руке,
И темное солнце, всему сообщая покой,
Еще продолжает дрожать у тебя на щеке.

Помедли, наивный провидец, лукавый мудрец!
С вечерней звездой свое ощущая родство,
Ты знаешь и сам, что бессмертья волшебный ларец
Всегда достается лишь тем, кто не ищет его.

В погоне за временем – тем, что уже истекло,
Встают на рассвете и в серой клубящейся мгле
Подходят к окну, рукавом протирают стекло...
Любой одинок, и никто не один на земле.

4.

Истосковалась моя ладонь

по твоей ладони,

Истосковались мои глаза

по твоим глазам...

Тесная память моя

на пустынном ночном перроне –

Это, по сути дела,

и есть я сам.

И в темноте предрассветной,

как на иконе,

Вижу,

лицо запрокинувший к небесам:

Истосковалась твоя ладонь

по моей ладони,

Истосковались твои глаза

по моим глазам.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОВИНЦИИ

1.

Постоялец ли, хозяин,
В темноте опять я слышу:
Как Вергилий неприкаян,
Дождь колотится о крышу.
Я бессонницею мучим,
Как порукой круговую
С этим тайным однозвучьем,
Притворившимся молвою.
И не этот ли безвестный
Звук в сырых потемках сада
Бережет меня над бездной
Приоткрывшегося ада?..

2.

В саду черемуха продрогла,
И за бревенчатой стеной
Подробный дождь стучит о стекла
И подоконник жестяной.

Повествовательная нота
В его рассказе так страшна,
Что обязательно кого-то
Оставит за полночь без сна.

Об одиночестве ль напомним?
Попросится ли на постой?
Пропишется ль в одной из комнат,
Загроможденных пустотой?

3.

Чем меньше городок, тем кажутся милее
Все дворики его и все его аллеи,
Особенно когда в их сумраке сыром
Тускнеет первый снег фамильным серебром.

Чем меньше городок, тем каждый в нем приметней,
Тем вымыслы смелей и суеверней сплетни
О том, кто в нем живет уже не первый год,
Но как бы в стороне от всех его невзгод.

Ну, скажем, это врач, положим, завмузеем,
Допустим, педагог, смешливым ротозеем
Толкующий о том, как некий Робинзон
Смотрел в немую даль, на знойный горизонт.

Чем меньше городок, тем большая тревога
Томит его, когда железная дорога
Напомнит о себе медлительным гудком –
И сердце прознобит нездешним холодком.

НА ГОРИЗОНТЕ

1.

...а в памяти – в несколько соток участок садовый:
Дощатый домишко и ржавая бочка со ржавой водой,
Прогревшейся за день... И облака парус багровый,
Пожалуй, почти неподвижен над вскопанной черной грядой.
Должно быть, не так мимолетны подробности эти,
Когда через годы все так же мерцают в протяжной строке,
И мальчик воздушного змея при гаснущем свете
Ведет в облаках – и суровая нитка трепещет в руке.
И кажется, точно из памяти позавчерашней,
Вечернее, алое небо приняв как нечаянный дар,
Над лугом, над лесом, над водонапорною башней –
Все выше и выше – взмывает на казнь осужденный Икар.

2.

Отец, на веслах сидя,
Плывет на острова...
Мне восемь лет, и я оставлен дома...
Я, впрочем, не в обиде,
И неба синева
Не меньше, чем ему, и мне знакома.
В руках моих шкатулка,
Где ржавые ключи,
Огарочек свечи и связка писем...
Как весело и гулко
Огонь гудит в печи,
Но даже от него я независим.
Зачем мне эти цацки,
Когда в саду шалаш,
Где тянет сыроватую соломой?
Как парусник пиратский,
Его на abordаж
Беру я, не страшась волны соленой.
Под яблоневою кроной
Прозрачен день в саду...

И нет как нет еще воспоминаний
О том, как, полусонный,
Отца под вечер жду
Из дальних странствий, из земных скитаний...

3.

На горизонте памяти, на границе
Той, что отбушевала давным-давно,
Что-то еще клубится, еще дымится,
Хоть и под слоем пепла погребено.
На горизонте памяти, на развилке
Памяти и забвения – вспыхнет куст,
За ночь продрогший весь до последней жилки
И на рассвете не разомкнувший уст.
Этот осенний глухонемой крыжовник,
Ржавый крыжовник в облетевшем саду,
Жалит и колет, точно я сам виновник
Прожитой жизни и подлежу суду.

НА РОДИНЕ ОТЦА...

Маленькая поэма

...Тот уголок земли...

Пушкин

В провинции, где тысячи тропинок
Еще хранят следы босых ступней,
Впечатавшиеся в сырой суглинок,
Как говорится, от начала дней,
На родине отца, в глуши районной,
Я прожил зиму двадцать лет назад.

На месте том,
 где был отцовский дом,
Немецкой бомбой авиационной
Разрушенный еще в сорок втором,
Что называется, до основанья,
Позднее был построен детский сад
(Припомнить не могу его названья).

Я комнату снимал (была цена
Невелика: за две десятки в месяц)
У Софьи Александровны. Она,
Давным-давно вдова, а не жена,
Печалилась о сыне-генерале,
Хоть на дворе стояли времена,
Не предназначенные для печали
Хотя бы потому, что шла война
В Афганистане, но о ней молчали.
Запаянные наглухо гробы
Оттуда шли, и музыка Шопена
Их провожала в край неоткровенный,
Где прав на Слово нет и у судьбы.

Учительствуя в школе деревенской,
Я просыпался затемно, вставал,
Заваривал цикорий горьковатый,
Но чашки никогда не допивал
И в первобытной тишине вселенской
Спешил на остановку, чтоб успеть
Протиснуться в автобус темноватый,
Который шел до моего села.

Пощелкивал мороз. Над головою
Тысячезвездно трепетала мгла
И оттого казалась мне живою.
Пока я проходил свою версту
До школьного порога, тьма редела –
И звезды ускользали в пустоту
И в немоту, которой нет предела...

На радость гомонящей детворе,
Снег шелестел, как листья, под шагами
И зеленел на утренней заре,
А возле школы яблоневый сад,
Разбитый два десятка лет назад,
Приветственно покачивал ветвями.
И был иконописен каждый лик
Светлан, Татьян, Марий и Вероник,
Внимавших мне с прилежною тоскою,
Но Николай, Никита и Андрей
Не смахивали на богатырей
И не таясь зевали над строкою
Онегинского душного письма,
И комментариев их сводил с ума...

Меж ними я считался чужаком,
Поскольку был по корню горожанин.
И потому еще казался странен,
Что говорил на языке таком,
Который был неясен и который
Им было постигать неумоготу.
(О, если б эту даль сменить на ту!)

Они платили тою же монетой,
Не делая из этого секрета,
И я в конце концов почти привык,
Что, если им хотелось, чтобы *некто*,
Кому обычай местный не знаком,
Не понял подоплеку разговора, –
Для достижения нужного эффекта
Они переходили на язык,
Вернее же, на здешнее наречье,
Казавшееся мне почти чужим...

Над крышами ветвился сизый дым
И пропадал в заголубевшем небе...

А между тем и года не прошло,
Как во Вселенной совершилось зло
И жаркой смертью полыхнул Чернобыль,
И отблески огромного огня
Легли неподалеку от меня
И тех, кому твердил я неустанно,
Поскольку был настырен и упрям,
О пользе орфограмм и пунктограмм,
Не приводя цитат из Иоанна...

...Я возвращался около пяти
В тот городок, где я провел, пожалуй,
Не худшие из пестрых дней моих.
В лиловом небе теплилась звезда,
И где-то в отдаленье, близ вокзала,
Гудели грузовые поезда.

В шестом часу уже сквозила мгла
Над кронами заснеженных деревьев,
А Софья Александровна ждала
И загодя разогревала ужин
И хлопотливо разливала чай.
И в тесной кухне, сидя за столом,
Обитым пожелтевшею клеенкой,
Мы толковали как бы невзначай

И об ее отчетливом былом
И о моем неверном настоящем –
Всегда не то мы ищем, что обрящем...

Когда ж совсем темнело за стеклом,
Под лампою с лиловым абажуром,
Ютившейся на узеньком столе,
До поздней ночи

 правил я тетради,
В которых с откровенностью корявой
И мною не заслуженной по праву,
Писали мне на языке моем
О бедной Лизе или Катерине...

А с улицы в окоченевшей мгле,
Один в бескрайней ледяной пустыне,
Заглядывал в мое окно фонарь.

Почти неразличимый в снегопаде,
На высоте второго этажа
Тянулся к свету лампы

 луч фонарный,
И в этом полупризрачном луче,
Казалось мне, эфирный женский профиль
Неслышно отделялся от страниц
И поднимался до белевших кровель
И – выше, выше! – до звезды Полярной
В толпе

 попутных ангелов и птиц.

ДВА ЭСКИЗА

1.

Выйду *из* дому и замечу,
Как внезапно – из-за угла
Мне рванувшаяся навстречу –
Вишня юная расцвела.
В этой парусной легкой пене –
Нега, удаль и благодать...
Благодарен и за цветенье,
Даже если плодов не ждать.

2.

Под старой монастырскою стеной
Вода была кинжально-ледяной,
А ты шутя пила ее с ладони,
И ветер полон был твоей весной,
И был неуловимо-нежен зной,
И одуванчик золотел на склоне.
Струя была хрустальна и светла,
И солнце в ней ломалось и кололось,
А в синеве сияли купола
Над вишнею, которая цвела,
И тихая опасная пчела,
Кружа над веткой, пробовала голос.

В ДОРОГЕ

1.

В этот час предвечерний, когда бирюзовый становится зелен,
Голубой – фиолетов, а изжелта-красный – багрян,
И во всем мирозданье уже не осталось и малых расщелин,
И в душе не осталось незарубцевавшихся ран,
В этот час, показалось, за лесом блеснула река на закате –
Оказалось же – небо, а в нем паруса облаков...
И хотя обозналась душа, преисполненная благодати,
Но ошибка ее драгоценна *во веки веков*.

2.

За время, что слеза стекает,
Успеешь досчитать до ста,
И в памяти не умолкает
Мотив последнего листа.
Все возвращается на круги,
Когда – смеша, когда – страша...
А то, что жизнь равна разлуке,
Не сразу узнает душа.

С.Я. Гехтляр

Примирение с жизнью, какой бы она ни была...
Разногласия с эрой, какая б тебе ни досталась...
В остывающем августе, лишь обозначилась мгла,
Под огромной луною большая река разблесталась.
В глубине мирозданья горит над рекою звезда,
Прямо к ней запрокинулась шея портового крана...
И минувшие годы стоят, как на рейде суда,
И внушают покой – и тревогу, как это ни странно.
От воды ли, от неба ли, тянет ночным холодком,
И, как в юности, снова уместен миров беспорядок.
То, что было, прошло, но осталось. И этот закон
Для того, кто живет, хоть и горек, а все-таки сладок.
Наше прошлое вяжет нам губы, подобно хурме.
И любовь, что ушла, и любовь, что стоит у порога,
Окликают друг друга в какой-то немислимой тьме,
Той, где, может быть, имени нет и у Господа Бога.

III. ДВОР

*...Сквозь форточку крикну детворе...
Борис Пастернак*

В УНЕЧЕ

Матвею

Вспыхнет зарница – и тут же на кромке
Неба с кленовой листвою
Кто-то затеет натурные съемки –
Фильм звуковой.
Даль занавесив зеленым и сизым,
Пару минут погода
Забарабанят по бледным карнизам
Капли дождя.
Настежь сердца и оконные створки,
Чтоб на заре
Эти считалки и скороговорки
Стали слышней детворе.
На одуванчики и на ромашки
С неба летя,
С улочкой нашей сыграет в пятнашки
Ливень – большое дитя.

НАЧАЛО МАРТА

Еще не доверяя толкам
И слухам мартовского дня,
За электричкою проселком
Бежит февральская лыжня.
Еще простор полужаснежен
И дремлет в желтоватой мгле
И ветки ветел и орешин
Не вспоминают о тепле.
Но, сидя у окна вагона
В пальто распахнутом, уже
Ты замечаешь: синь бездонна,
И даль свежа на вираже...
В такие дни, полуоттаяв
И мертвый стебель шевеля,
Не требует себе хозяев
(Надолго ль?) русская земля.

Жить в настоящем – пить на заре вечерней
Свежесваренный чай и пялиться в телик –
Вовсе не так уж дурно: ни звезд, ни терний
Больше не ждать и женских не знать истерик.
Верить одной лишь стрелке секундомера,
Предполагать, что только она реальность,
И убеждать себя, что иная вера
Претенциозна, а потому – банальность.
Не обращаться к предку, не слать потомку
Писем о том, как жить на Руси в неволе,
Предусмотрительно подстилать соломку,
Чтобы, случись упасть, не завывать от боли.
Жить в настоящем – это и есть, пожалуй,
Существовать, как дерево или птаха,
И на рассвете жизнь начинать сначала,
Риска не ощущая, не чуя страха...

Вот ласточка чернеет над рекой,
Сквозит в потоках воздуха и света
И не колеблет пристальный покой,
Какой бывает в середине лета.

Так деспотична тяжесть духоты
В пределах городского лесопарка,
Что ливня ждут ольховые кусты,
Как чуть ли не сакрального подарка.

В течение дня бестрепетна листва
Склоненных над волною ив дремотных...
Но в поздний час мутится синева
От исполинских страхов безотчетных.

Холодный блеск струится по реке,
Подрагивает на листве ольховой,
И ласточка в отчаянном пике
Касается крылом воды свинцовой.

В разломах меж лилово-белых туч
Играет даль бенгальскими огнями,
И тень крыла, ловя последний луч,
Почти фосфоресцирует над нами.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

1.

Череда коротких вспышек,
Бьющих прямо по глазам,
Демонстрирует излишек
Мощи, данной небесам.
Даль вечерняя в истоме
Блещет тусклым серебром.
Свежих сил не экономя,
Катится над нею гром.

Налетевший дождь отраден:
После двух недель жары
Блеск и звон округлых градин
Принимаешь как дары.
Пастернаковская нота
В шелестенье трав и струй
Обещает миг полета
И воздушный поцелуй.

Отойди от книжных полок,
Настежь распахни окно –
Ведь не будет слишком долог
Ливень, званный столь давно,
Хоть, наверное, едва ли
Соглашается с тобой
В этом майском карнавале,
Одинокая в печали,
Гроздь сирени голубой!

2.

Синева небес поблекла,
Выгорела, как сукно...
Целый день в такое пекло
Занавешено окно.
Воздух плотен, точно деготь,
Непрозрачна тишина,
И одна мольба – не трогать –
К небесам обращена.

Не спасись поодиночке
От жестокой духоты.
Кажется, дошли до точки
Изнуренные цветы.
И до самого заката
В палисаднике пустом
Липа дремою объята
И не шевельнет листом.

Но зато примерно в десять
Над молчащею листвой
Начинает небо грезить
Острой вспышкой грозовой,
На мгновенье этот город
По невидимому шву
Белой молнией распорот
И распахнут в синеву.
Облака в оконной раме,
Высвеченные огнем,
Биллиардными шарами
Перекатывают гром,
И Зевесовы восторги
В громогласной вышине
Не дают покоя шторке
В распахнувшемся окне.

На примолкшие растенья,
Мир и дом лишая сна,
В юношеском нетерпенье
Ливня падает стена,
Чтоб в теченье получаса
Или около того
Каждый лист от страсти трясся,
С небом чувствуя родство.

Человека есть граница. Попробуй найди ответ,
Как ее пересечь... И когда, позабытый всеми,
Он просиживает в пивной, коротая время,
Хоть и знает наверно, что времени в мире нет,

И когда он в кругу друзей, и когда среди
Сыновей, и внуков, и правнуков, и когда он
Собеседник звезд, то – конечно, если не даун-
Он являет собою рубеж. «Вставай и иди», –

Говорят ему. Сообщают пароль и срок.
И – в порфире ли царской, в рубище ли убогом –
Он встает и идет по дневным и ночным дорогам,
А порою и вовсе не разбирая дорог, –

От родильной палаты и вплоть до погоста, где
Обретают приют последний, по мерзлой глине,
По щебенке грубой, по клеверу и полыни,
По тропинке лунной на черной морской воде...

Анонимный странник, странствующий аноним
(Что едва ли одно и то же), он есть граница
Между тем , что случилось, и тем, что еще случится,
Может статья, с ним, а быть может, уже не с ним.

Эта книга как дерево, что ли,
На осеннем рассвете.

Она

Шелестит о покое и воле,
Хоть не знает ни воли, ни сна.
Эта книга – о детских секретах
Черных лестниц, дворов проходных,
Об условностях и о приметах,
Предназначенных лишь для двоих,
О напрасном порыве ладоней
Вслед поспешным шагам за окном,
А еще – о скудеющем доме,
О пустеющем доме родном,
О горчайшей рябиновой грозди,
Об ознобе перронных огней,
О могиле на здешнем погосте
И кресте самодельном над ней.

Память устроена, как палиндром:
Ей безразлично, туда ли, обратно...
Вот на крещендо в покое сыром
Следом за ливнем прокатится гром,
Следом за громом живым серебром
Молния вспыхнет в тиши необъятной,
Той, что всегда накануне грозы
Шлет испытанье для детского уха:
То ли мерцающий звон стрекозы,
То ли полет тополиного пуха,
То ли слова, что шепнула судьба,
Став на мгновение девочкой встречной
И от которых ладонью со лба
Пот вытирают с улыбкой беспечной.
То, что летело со сверхзвуковой
Скоростью, нас настигает позднее
Тахикардией, гудящей листвой,
Виолончельной волной дождевой,
Блеском зарницы в ночи грозовой –
И примиряет – с собою и с нею.

Примерно в шесть уже редет мгла
За окнами, но ярк свет фонарный,
И кажется, что ты меня звала
Из темноты нетленной и нетварной,
Из этой синеватой полумглы,
Где, тишину от примесей очистив,
Шуршанье шин и шарканье метлы
Едва ли отличишь от шума листьев
Каштановой аллеи на ветру...
Мне кажется, я больше не умру,
Как умирал не раз я в эти годы
И постигал, что значит нищета
Существованья и его тщета...
И даль осенней сумрачной свободы,
Свободы отгоревшего листа,
В эпоху опустевшего креста
Мне о тебе напоминает живо,
Хоть рядом ты...

И в этом тайна есть,
И робость, и безмолвие порыва...
Редет мгла уже примерно в шесть.

Жизнь окажется Золушкой, сколько о том ни печалься, –
Не принцессой, а Золушкой в стареньком ситцевом платье...
На балу королевском под музыку венского вальса
Сделал несколько па – и уже не пошлешь ей проклятье.

Над землею вечерней уже опускается полог,
Подойди же к окну – и увидишь: по желтой аллее
Двое, за руки взявшись, проходят в пальто длиннополых,
Ни о чем не прося и уже ни о чем не жалея.

Там, в бессоннице мира, в мерцающей дымке осенней,
Лист последний каштановый, на сердце чуя истому,
Не особенно верит в грядущую цепь воскресений
И тоскует по ветру, как странник по отчему дому.

ЗИМНИЙ ВЕТЕР

Задувает, задувает,
Моросит и порошит,
Тары-бары затевает
С теми, кто во тьме спешит
В дом, где свет настольной лампы
Матовей, чем лунный свет,
И еще бессмертны ямбы,
С детских знаемые лет.

Задувает, задувает...
То далече, то вблизи ...
Точно что-то отпевает
Этот ветер на Руси.
Свет фонарный... тополь черный,
Еле видимый во мгле,
Стынет в немоте покорной,
Как виолончель в чехле...

Задувает, задувает,
Бьет в лицо и валит с ног,
С ветки тополя срывает
Запозднившийся листок,
Мощью не оскудевает,
Необуздан и жесток...
...И того не прозревает,
Как на свете одинок.

ОКРАИНА

Молочно-водянистая зима
Скорее дымкой, нежели туманом
Подергивает низкие дома
В каком-то переулке безымянном.

Сюда приду неведомо зачем.
Затем ли, чтоб узнать у здешней жизни,
Что чай спитой и чуть горчащий джем
Сказать немало могут об отчизне,

Доставшейся на долю? Тишина
Здесь торжествует как бы по привычке,
Но кажется, что даже и она
Заключена в незримые кавычки:

То женщина в поношенном пальто
Тяжелой цепью звякнет у колодца,
То хрустнет ветка тополя, а то
С разъезда ей товарный отзовется...

Здесь целый мир самим собой храним.
И в затрапезе он не обезличен...
И знает всякий, кто сроднился с ним,
Что почерк у судьбы каллиграфичен.

Привыканье к уже беспризорным вещам:
К этим сломанным зонтикам, ветхим плащам,
Облупившимся гривам качалок -лошадок –
Так безжалостно (Господи не приведи),
Что когда расстаеться, то где-то в груди
Разрушается вера в разумный порядок.

Мы вконец изнасили надежду свою,
Мы привыкли к вранью, будто нищий к тряпью
Привыкает, на паперти стоя часами
(Есть обычай такой на великой Руси:
Стой в рванине и на пропитанье проси –
Вот и будешь в итоге любим небесами).

То, что в скобках, важнее, главнее, чем то,
Что за скобками... Жизнь в мешковатом пальто
Поутру одиноко стоит у киоска,
То ли мелочь считает на зимнем ветру,
То ли гладит холодного клена кору –
И не ждет отголоска.

САЛЫНСКИЕ ЭСКИЗЫ

Л.И.С.

1.

Эпоха древних алфавитов
Мерцает в сумраке немом,
Ни разу тайн своих не выдав
Пиктографическим письмом.

Тебя, тенистую, лесную,
Тебя, подобную лучу,
Как грамоту берестяную,
Понять и разгадать хочу.

2.

По-домашнему пасмурно –
Нет небесного света...
Вроде бедного пасынка
Этот полдень у лета.

Тишина и безветрие
Оседают на крышу,
И как будто бессмертие
В мягкой мороси слышу.

И, как солнце неверное,
В этом сумраке хмуром
Светит лампа торшерная
Золотым абажуром.

3.

В ля диез миноре гулко
Нам поет на все лады
Музыкальная шкатулка
Луга, неба и воды.
Клевер, пижма, медуница
В нежном зное золотом
Обещают нам досниться
Каждым стеблем и листом.
И до позднего заката
Слышатся в голубизне
Ласточкины пицикатто
На невидимой струне.

4.

Этот ветреный нежный август –
Светло-синий на золотом...
Одинокий протяжный аист
Поднимается над гнездом.
С кропотливостью небывалой,
С искушенностью неземной
Он вычерчивает овалы
Над озерной голубизной,
Чтоб Небесная Афродита,
Наблюдая за ним, могла
Прочитать обо всем, что скрыто
В каждом взмахе его крыла...

По-среднерусски серо-сини
Сырые дали ноября,
И лампою на керосине
Чадит вечерняя заря.

Сутулый сторож в телогрейке
Среди огромного двора
Покуривает на скамейке,
Не пробуя разжечь костра.

На тротуаре сор и слякоть.
Обозревая этот вид,
Не то чтоб он хотел заплакать,
Но в горле все ж таки першит.

Хотя зима и на пороге
(Лишь кажется, что далека),
Ее посулы и тревоги
Не занимают старика.

К стене кирпичной двухэтажки
Приставлена его метла,
Как будто ждет, когда в овражке
Земля окажется бела...

Саше Александрову

Цветущий куст сирени во дворе,
Посаженный еще – ты помнишь? – дедом
Иосифом, в рассветном серебре
Покажется и сам себе неведом,
Не то что нам, двум пасынкам двора
При доме сорокавосьмиквартирном,
Где день-деньской галдела детвора
И мяч гоняла в разгильдяйстве мирном.

Один – еврей, другой – интеллигент.
Свет не видал подобных оборотов,
Героев анекдотов и легенд,
Но все-таки во-первых – анекдотов.
Над нами всласть куражилась шпана,
А мы в ответ дерзили от обиды,
И в поздний час ущербная луна
Казалась нам обломком Атлантиды.

В течение дня и ссорясь и мирясь
По пустякам, не бывшим пустяками,
Мы оба с небом обретали связь
И наблюдали в нем за облаками,
А те меняли формы и тона,
Окрашивались в желтый и лиловый,
И в них была такая тишина,
Какая, знаешь сам, блаженней слова.

Зато сегодня из-под облаков
Глядят на нас, не ощущая боли,
Незрячий Карпов, пьяный Петухов,
Ворчунья Паша и молчунья Оля.
А если не они, то кто, скажи,
Готов следить за нами в час рассветный,
Дарить надеждой, уличать во лжи?
Быль фабульна, а память бессюжетна.
Цветет сирень, как сорок лет назад
Она цвела... Прозрачно-серебриста,
Преображает бледный палисад,
Как на картине импрессиониста,
Не помню чьей... Не помню ничего,
Что было не со мной на свете белом,
Лишь с каждой гроздью чувствую родство
В сыром дворе, в пространстве оробелом.